

Нора Робертс
Слезы луны
Серия «Галлахеры из Ардмора», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4986897
Слезы луны / Нора Робертс ; [пер. с англ. И. Файнштейн]: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-58828-2

Аннотация

Решительная и практичная Бренна О'Тул дружила с мечтательным Шоном Галлахером с раннего детства. А повзрослев, поняла, что он – единственный, желанный мужчина ее девичьих грез. Но Шон не догадывается о чувствах подруги. Пока Бренна хранит свою тайну, ее младшая сестра не теряет времени даром. Скрывая свои чувства от соперницы, она начинает действовать...

Содержание

1	4
2	13
3	20
4	28
5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Нора Робертс

Слезы луны

Брюсу, вдохновителю всего моего творчества

*Целуй меня, любовь моя,
Тоскуй по мне, любовь моя,
И слезы горькие свои скорее осуши.*

Ирландская застольная песня

1

Ирландия – страна поэтов и сказителей, мечтателей и мятежников, пронизанная музыкой веселой и печальной, героической и романтической. В старину бродячие арфисты и шанахи – сказители – играли свои мелодии за еду и кров, и мелкие монеты, если повезет. Поэтов-певцов, или бардов, как их называли, радушно принимали и в затеряншемся в полях домишке, и на постоялом дворе, и у бивачного костра. Их дар высоко ценили даже в эльфийских дворцах под зелеными холмами.

Так было, и так есть.

Однажды, не так уж и давно, в тихую деревушку у моря пришел арфист и сказитель. В деревушке его встретили с радостью. Здесь он нашел свой дом и свою любовь.

В его душе звучала музыка. Иногда мелодии рождались нежными и мечтательными, как шепот возлюбленной, а иногда веселыми и громкими, будто старый друг зазывал в паб выпить пинту-другую пива. Сладостная, яростная или печальная, это была его музыка, и она дарила ему счастье.

Шон Галлахер был доволен своей жизнью. Доволен, как сказали бы некоторые, потому что редко брал на себя труд очнуться от грез и поинтересоваться тем, что происходит вокруг, и Шон не стал бы спорить.

Его миром была его музыка и его семья, его дом и давние друзья. Зачем же беспокоиться о чем-то за пределами близкого сердцу круга?

Семья Шона жила в Ирландии, в графстве Уотерфорд, в деревушке Ардмор. Сколько помнилось местным старожилам, поколения Галлахеров владели здесь пабом, в котором были пиво и виски, приличная еда и уютное местечко для долгих бесед.

Некоторое время назад родители Шона обосновались в Бостоне, и бразды правления семейным бизнесом взял в свои руки старший брат Эйдан. Шона это более чем устраивало, поскольку он не стеснялся признавать, что не имеет ни деловой хватки, ни желания ее обрести. Он был вполне счастлив на кухне. Стряпня приносила ему покой и умиротворение, и, пока он колдовал над меню или выполнял заказы посетителей, музыка, любимая музыка, доносилась из зала или звучала в его голове.

Но когда в кухню влетала его сестра Дарси, которой досталось гораздо больше положенной доли фамильной энергии и честолюбия, и затевала ссору, о покое приходилось забывать, но Шон не имел ничего против этих схваток – они разнообразили жизнь и поднимали настроение.

Он не считал ниже своего достоинства обслуживать столики, особенно когда в зале под живую музыку посетители пели и танцевали, и без пререканий наводил чистоту, ведь «Паб Галлахеров» славился еще и своей опрятностью.

Старший брат Эйдан прежде, чем осесть в родных местах, поскитался по свету, младшая сестра Дарси пока только мечтала о дальних странах, однако семейная страсть к путешествиям не затронула Шона. Его устраивали размеренная, неспешная жизнь в родной деревушке, бескрайнее море и живописные прибрежные утесы, переливающиеся под солнцем холмы и темнеющие на горизонте горы. Шон словно вырос в песчаную почву Ардмора.

Сколько Шон себя помнил, из окна своей спальни он видел море, он знал его переменчивый характер – от спокойствия до ярости – и одинаково любил и усеянную рыбацкими суденышками гладь, и пенистый прибой, набегающий на песчаный берег, и неистовые волны, разбивающиеся о скалы.

Все, чем он дорожил, лежало у его ног, и он не видел смысла в переменах. Правда, осенью, когда Эйдан женился на хорошенькой американке Джуд Фрэнсис Мюррей, в его жизни произошли некоторые изменения.

По традиции Галлахеров родовое гнездо доставалось тому, кто женился первым, и, вернувшись из свадебного путешествия в Венецию, Джуд и Эйдан переехали в большой дом на краю деревни.

Получив возможность выбирать между комнатами над пабом и маленьким коттеджем, принадлежавшим родне Джуд по линии Фицджералдов, Дарси выбрала квартиру над пабом и, где угрозами, где лестью, добилась того, что Шон и все, кого она смогла обвести вокруг своего прелестного пальчика, превратили спартанское жилище Эйдана в маленький дворец.

Шон опять же не возражал.

Ему больше нравился маленький коттедж на Эльфийском холме с его благословенной тишиной и прекрасным видом на холмы, утесы и сады... и с призраком, который бродил по его новому дому.

Шон еще не видел ее, но знал, что она там. Красавица Гвен пролиwała слезы по своему возлюбленному-эльфу, которого отвергла давным-давно, и терпеливо ждала, когда спадет заклятие и они оба обретут свободу. Шону была прекрасно известна история юной девушки, триста лет назад обитавшей в этом самом домике на самом холме.

Кэррик, принц эльфов, влюбился в нее, но вместо того, чтобы подарить ей слова любви и свое сердце, он показал девушке, какую роскошную жизнь готов ей дать. Трижды приносил он ей серебряный кошель с драгоценностями: сначала это были бриллианты, рожденные в огне солнца, затем жемчужины, родившиеся из слез, капавших с луны, и наконец сапфиры, вырванные из сердца океана.

Однако, не услышав от принца самых важных слов и сомневаясь в его любви, Гвен трижды ему отказала. И драгоценности, которые Кэррик бросил к ее ногам, как гласила легенда, распустились цветами у порога ее дома.

Почти все цветы сейчас спали, убаюканные зимними ветрами, воцарившимися над побережьем. Скалы, по которым, как поговаривали, часто бродила Красавица Гвен, холодные и пустынные, вонзались в нависшие над ними облака, однако буря не спешила обрушиться на побережье, словно ждала чего-то.

Утро выдалось сырым, ветер бился в оконные стекла, пробирался в коттедж в надежде выстудить его. Шон развел огонь в очаге на кухне, вскипятил чайник и заварил чай, так что ветер ему не мешал. Завтракая в своей теплой кухне, Шон слушал надменную музыку ветра и сочинял стихи для собственной мелодии.

До начала дневной смены, когда в пабе подавали ланч, оставался еще час. Шон завел таймер и на всякий случай будильник в спальне. Если некому было вытряхнуть его из мира грез и приказать пошевеливаться, он частенько вообще забывал о времени.

Поскольку Эйдан безумно злился, когда братец опаздывал, а Дарси получала лишний предлог поиздеваться, Шон всегда старался прийти в паб вовремя. Правда, увлекшись своей

музыкой, он часто не слышал жужжания плеера и перезвона будильника и все равно опаздывал.

Сейчас он полностью погрузился в песню любви, совсем юной и потому уверенной в себе. Любви, переменчивой, как ветер, но радостной, пока она длится. Танцевальная мелодия, решил Шон, для которой потребуются быстрые ноги и море кокетства.

Как-нибудь он сыграет ее в пабе, когда получше отшлифует и если сможет уговорить Дарси ее спеть. Голос Дарси прекрасно подойдет к настроению этой песни.

Шону было так уютно на кухне, что он поленился пройти в гостиную к старому пианино, которое купил, когда въехал в этот коттедж. Придумывая слова, он отбивал ритм ногой и не слышал громкого стука в парадную дверь, топота тяжелых ботинок в прихожей и тихих проклятий.

Шон в своем репертуаре, подумала Бренна. Опять заблудился в мире грез, не замечая, как вокруг бурлит жизнь. И зачем она барабанила в дверь, если Шон частенько не слышит даже грохот, а они с самого детства запросто заходят друг к другу?

Ну, они давно уже не дети, и лучше постучать, чем увидеть в его доме что-то, не предназначенное для ее глаз.

Может, он не один? Вполне возможно. Парень притягивает женщин, как сладкая вода – пчел. Не то чтобы он такой уж сладкий, хотя бывает милым, когда хочет... И безумно красивый. Бренна тут же обругала себя за неуместную мысль, но, в конце концов, это трудно не заметить.

Черные, как смоль, волосы, обычно взлохмаченные, поскольку он вечно забывает постричься. Глаза ярко-голубые, спокойные и мечтательные, когда он не взбудоражен чем-то, а вот тогда они горят огнем, холодным и обжигающим в равной мере. За его длинные темные ресницы все ее четыре сестры, не раздумывая, продали бы души дьяволу, а губы словно предназначены для долгих поцелуев и нежных слов.

Ей не пришлось убедиться в этом на собственном опыте, но от слухов никуда не денешься.

Нос скорее длинный и чуточку искривлен, и в этом виноват ее меткий и сильный удар бейсбольным мячом больше десяти лет тому назад.

В общем, Шон похож на ожившего сказочного принца. Или на доблестного рыцаря в поисках приключений. Или на слегка потрепанного ангела. Крупное жилистое тело, широкие ладони с пальцами художника, голос, как виски, подогретый на торфяном огне, словом, неотразимый парень.

Но ей это совершенно безразлично. Просто она умеет ценить все, что хорошо сработано.

О господи, какая же она лгунья. Лжет даже самой себе!

Она втрескалась в него еще раньше, чем треснула по носу бейсбольным мячом. Ей было тогда четырнадцать, а ему девятнадцать. А к ее двадцати четырем годам детская влюбленность переросла во что-то более жаркое и нервирующее.

Только Шон никогда не смотрел на нее как на женщину.

Ну и ладно! У нее нет времени грезить о парнях, у нее полно работы.

Изобразив насмешливую улыбку, Бренна с грохотом опустила на пол свой железный ящик с инструментами, и, к ее удовольствию, Шон подпрыгнул, как кролик под ружейным выстрелом.

– Боже милостивый! – Он развернулся вместе со стулом и положил ладонь на грудь, словно пытаясь усмирить встрепенувшееся от неожиданности сердце. – Что случилось?

– Ничего, – усмехнулась Бренна, поднимая многострадальный ящик. – Разиня! Я тебя испугала?

– Ты меня чуть не убила.

– Ну, я стучала в дверь, а ты не соизволил встать и открыть.

– Я не слышал. – Шон шумно выдохнул, запустил пятерню в волосы и хмуро уставился на Бренну. – Итак, здесь О’Тул. Значит, что-то сломалось?

– У тебя голова, как ржавое ведро. – Бренна стянула куртку и бросила ее на стул. – Твоя духовка не работает уже неделю. Только что прислали запчасть, которую я заказывала. Так чинить плиту или нет?

Шон издал звук, очевидно, выражающий согласие, и указал рукой на плиту.

– Печенье? – удивилась Бренна, проходя мимо стола. – Разве это завтрак для взрослого мужчины?

– Ну, не выбрасывать же. – Шон улыбнулся так, что ей захотелось броситься ему на шею. – Обычно мне лень с утра готовить себе одному, но если ты проголодалась, я быстренько что-нибудь состряпаю для нас обоих.

– Не надо, я завтракала. – Бренна – на этот раз аккуратно – опустила ящик на пол, откинула крышку и начала перебирать содержимое. – Ты же знаешь, мама всегда готовит больше, чем мы можем съесть. Она с радостью накормила бы тебя нормальной едой в любое утро, когда захочешь заглянуть к нам.

– А ты могла бы подать мне световой сигнал, когда она испечет свои знаменитые оладьи. Ну, не хочешь печенье, может, выпьешь чаю? Чайник еще горячий.

– С удовольствием. – Бренна присела на корточки, взяла необходимые инструменты, достала нужную деталь, не поднимая на него глаз и настороженно следя за его ногами. – Ты чем занимался? Сочинял музыку?

– Подбирал слова для одной мелодии, – рассеянно ответил Шон, провожая взглядом мелькнувшую за окном в тусклом свинцовом небе птицу. – Похоже, похолодало.

– Ага, и очень влажно. Зима только началась, а я уже мечтаю, чтобы она закончилась.

– Погрей свои косточки. – Шон присел рядом с Бренной, коснувшись ее коленями, и протянул массивную керамическую кружку с чаем, крепким и сладким, как она любила.

– Спасибо. – Бренна обхватила ладонями кружку, впитывая ее тепло.

– Итак, что ты собираешься делать с моей старушкой?

– Какая тебе разница, если она снова заработает?

Шон приподнял брови.

– Если я узнаю, что ты сделала, может, в следующий раз я сам ее почию.

Бренна расхохоталась и предусмотрительно села на пол, чтобы не упасть от смеха.

– Ты? Шон, ты не можешь подпилить даже собственный сломанный ноготь.

– Еще как могу. – Ухмыляясь, он сделал вид, что откусывает кончик ногтя, и Бренна расхохоталась снова.

– Не тревожься о том, что я сделаю с внутренностями этой штуковины, а я не буду тревожиться о следующем пироге, который ты в ней испечешь. В конце концов, у каждого из нас свои сильные стороны.

– Представь себе, мне приходилось пользоваться отверткой, – обиженно произнес Шон, выуживая из ящика одну из отверток.

– А мне приходилось пользоваться ложкой, но я знаю, что лучше подходит моей руке.

Бренна забрала у Шона отвертку, встала на колени и, сунув голову в духовку, принялась за работу.

Какие у нее маленькие ручки. Мужчина назвал бы их изящными, если бы не знал, на что они способны, размышлял Шон. Он не раз видел, как Бренна машет молотком, сжимает дрель, ворочает доски, соединяет трубы. И почти всегда эти маленькие руки феи исцарапаны, с костяшек пальцев содрана кожа.

Бренна такая маленькая, хрупкая для той работы, которую выбрала, или, вернее сказать, той работы, которая выбрала ее, думал Шон, распрямляясь. Уж он-то знал, как это полу-

чилось. Отец Бренны – мастер на все руки, и его старшая дочь вся в него. Точно так же, как поговаривали, он сам пошел в свою бабушку, которая, увлекшись музыкой, часто забывала о стирке или обеде.

Шон бросил взгляд на Бренну. В эту минуту она напряглась, откручивая болт, и та часть ее тела, что торчала из духовки, соблазнительно изогнулась. Брови Шона поползли вверх в восхищенном удивлении. Какой мужчина откажется поглазеть на соблазнительную женскую попку?!

У Бренны очень милая аккуратная фигурка. Он смог бы обхватить ее талию одной рукой, если бы это пришло ему в голову. Хотя, он это знал наверняка, если бы какой-нибудь мужчина попытался это сделать, Бренна О’Тул уложила бы его одним ударом. Шон ухмыльнулся.

Что касается лично его, то он с большим удовольствием хоть с утра до ночи смотрел бы на ее лицо. У нее такие веселые ярко-ярко-зеленые глаза и красивые брови чуть темнее ее огненно-рыжих волос. Губы так легко изгибаются в приветливой улыбке или насмешке или дуются, если ей что-то не нравится. Она редко красит губы, да, похоже, и вообще не пользуется косметикой, хотя она и Дарси закадычные подружки, а его сестрица шагу не ступит из дома без полной боевой раскраски.

Еще ему нравится, как Бренна, выражая неодобрение или презрение, морщит свой милый носик. Волосы она почти все время запихивает под кепку с приколотой над козырьком маленькой феей, на которую очень похожа. Эту брошку он сам подарил ей много лет назад по какому-то поводу, он уж и не помнил, по какому. А когда она снимает кепку, волосы, длинные, непослушные, яркие, вырываются на свободу и рассыпаются мелкими огненными кудряшками.

И так ей идет гораздо больше.

В эту минуту Шону вдруг захотелось увидеть ее лицо. Он небрежно оперся о рабочий стол и медленно произнес:

– Я слышал, ты теперь погуливаешь с Джеком Бреннаном.

Бренна вскинула голову и больно ударилась затылком о верх духовки. Шон поморщился, но благоразумно сдержал смешок.

– Не погуливаю! – Как Шон и надеялся, Бренна вынула голову из духовки. Нос у нее был измазан сажей, а, когда Бренна почесала ушибленную макушку, кепка сдвинулась набок. – Кто это сказал?

Шон с самым невинным видом пожал плечами и залпом допил свой чай.

– Ну, где-то кто-то сказал, как обычно бывает.

– У тебя в голове каша, и ты никогда ничего не слышишь. Я ни с кем не погуливаю, у меня нет времени на всякую ерунду. – Высказавшись, Бренна снова занялась духовкой.

– Значит, я ошибся. Да оно и понятно, когда в деревне только и разговоров, что про помолвки, свадьбы да будущих младенцев.

– Так всегда и бывает.

Шон усмехнулся, присел на корточки и, небрежно приобняв девушку, заглянул в духовку.

– Эйдан и Джуд выбирают имена, а у нее трех месяцев еще нет, но они оба так и светятся, правда? – невозмутимо продолжал Шон, не почувствовав, как напряглась Бренна.

– Правда, – кивнула девушка. Во рту у нее пересохло от опасно обострившегося желания. – Мне нравится видеть их счастливыми. Джуд думает, что этот коттедж волшебный. Здесь она влюбилась в Эйдана и начала новую жизнь, здесь она написала свою книгу. И все, о чем, по ее словам, она боялась даже мечтать, случилось здесь.

– Может, и так. Что-то здесь точно есть, – пробормотал Шон. – Иногда чувствуется нечто странное, особенно когда засыпаешь, или утром, когда просыпаешься... Словно ждешь чего-то...

Закрепив новую деталь, Бренна выползла из духовки. Ладонь Шона медленно поползла вверх по ее спине и соскользнула.

– Ты видел ее? Красавицу Гвен?

– Нет. Иногда краем глаза замечал какое-то движение. – Шон отстранился и, беспечно улыбнувшись, поднялся на ноги. – Может, она не для меня.

– А я бы назвала тебя идеальной мишенью для привидения с разбитым сердцем. – Бренна поежилась под его удивленным взглядом и отвернулась. – Теперь должно заработать, – добавила она, дернув ручку. – Проверим, нагреется ли.

Зажужжал таймер, и они оба вздрогнули.

– Посмотри сама, ладно? Мне пора. – Шон выключил таймер.

– Это твоя тревожная сигнализация?

– Одна из них. – Он поднял палец, и, словно по приказу, наверху бодро зазвенел будильник. – Второй сигнал. Через минуту, когда кончится завод, он сам заткнется. Иначе мне каждый раз приходилось бы бегать в спальню и хлопать его по кнопке.

– А ты, оказывается, умный.

– О, у меня бывают просветления. – Шон снял куртку с вешалки. – Кот на улице. Если заскребется в дверь, не жалей его. Велзи знал, что его ждет, когда решил переехать со мной.

– Ты не забыл его покормить?

– Ну, я же не совсем debil. – Шон обмотал шею шарфом. – Он сыт, а если проголодается, придет попрошайничать к вашей двери. Впрочем, он в любом случае придет, чтобы посрамить меня. До встречи в пабе?

– Куда я денусь?

И только, когда за Шоном закрылась дверь, Бренна вздохнула.

Глупо сохнуть по Шону Галлахеру. Он никогда не посмотрит на нее так, как ей хочется. Он думает о ней, как о сестре, или еще хуже... вроде, как о названном брате.

Опустив взгляд на грязные рабочие штаны и исцарапанные ботинки, Бренна признала, что сама виновата. Шон любит ухоженных, обходительных девушек, а она совсем не такая. Конечно, она могла бы преобразиться, консультантов вокруг в избытке: Дарси, сестры, а теперь еще и Джуд. Но она терпеть не может всю эту суету и считает ее бессмысленной. Если даже накраситься и приодеться ради мужчины, его же все равно привлечет не одежда и косметика, а она сама, так ведь?

А самое главное, если она накрасит губы, надушится и натянет соблазнительное платье, Шон покатится со смеху, скажет что-нибудь глупое, и придется его ударить.

Так зачем же мучиться?

Женские ухищрения она оставит Дарси, неизменно женственной и обаятельной, и своим сестрам, которые все это обожают, а ее стихия – ее работа.

Бренна погоняла духовку на разных режимах, заодно проверила жаровню и, убедившись, что все работает, выключила плиту, собрала инструменты. Она хотела уйти сразу, ведь здесь ей больше нечего было делать, но коттедж словно не отпускал ее.

Бренна всегда чувствовала себя здесь как дома и часто забегала навестить Старую Мод Фицджералд, прожившую здесь столько лет, что и не сосчитать.

Мод умерла, и в коттедж приехала погостить Джуд. Подружившись с Джуд, Бренна, как и раньше, заглядывала сюда по пути домой или в деревню. Но теперь здесь живет Шон, и придется расстаться со старой привычкой, хотя очень не хочется. Здесь так тихо, спокойно и много красивых вещиц, которые за свою жизнь собрала Мод. Джуд оставила их в котте-

дже, и Шон, похоже, не собирается их трогать. В крохотной гостиной просто глаза рябит от цветного стекла и очаровательных статуэток фей и магов.

Шон не тронул и книги Мод, и старый потертый ковер, правда, втиснул в кукольное пространство маленькое подержанное пианино. Теперь в гостиной вообще не повернуться, но пианино добавило уютному домику очарования. Старая Мод любила музыку, и ей бы понравилось.

Бренна провела пальцем по исцарапанному черному дереву, скользнула взглядом по нотным листам, разбросанным на крышке. Шон вечно сочинял какую-нибудь мелодию или выуживал старую, чтобы что-то изменить. Бренна сосредоточенно нахмурилась, всматриваясь в черные закорючки и точки. Она не считала себя особенно музыкальной. О, она могла пропеть мятежную песню, не рискуя привлечь внимание окрестных собак, которые принялись бы подвывать ей, но игра на музыкальном инструменте – совсем другое дело.

Однако, раз уж она здесь одна, почему бы не удовлетворить любопытство? Бренна снова опустила на пол свой ящик, выбрала один из листов и села за пианино. Прикусив от напряжения губу, она нашла до первой октавы и стала медленно стучать по клавишам одним пальцем.

Неплохо. Как и все, что Шон сочинял. Даже неумелое исполнение не смогло испортить мелодию. И, как часто бывало, Шон придумал к этой мелодии слова. Бренна откашлялась и запела, изо всех сил стараясь не фальшивить:

Когда один тоскую я в ночи, Лишь о тебе рождает сердце грезы. И о тебе одной мои мечты, Когда луна в ночи роняет слезы.

Бренна вздохнула. Как трогательно! Как все песни Шона, но эта какая-то щемящая.

Слезы луны. Жемчужины для Красавицы Гвен. Несбывшаяся любовь.

– Как печально, Шон. Неужели ты и впрямь так одинок?

Она хорошо знала Шона, но все равно не могла найти ответ на свой вопрос. А хотела бы. Она всегда хотела подобрать к Шону ключик. Но он не был ни мотором, ни механизмом, который можно разобрать, чтобы узнать, как он работает. Мужчин, к ее огромному сожалению, гораздо труднее разгадать.

Наверное, все дело в его волшебном таланте. В то время, как ее способности... Бренна опустила взгляд на свои руки. Да, надо признать, что у нее способности совсем другие, проще не придумать.

Ну, по крайней мере, она умеет их использовать и зарабатывает на вполне приличную жизнь, а Шон Галлахер витает в облаках. Если бы у него была хоть капелька честолюбия, если бы он хоть немного гордился своим талантом, он продавал бы свои мелодии, а не складывал их в ящик.

Парню необходим хороший пинок под зад, чтобы не растрчивал понапрасну свой дар.

Ладно, об этом она подумает в другой раз, а сейчас у нее полно работы.

Бренна поднялась и уже наклонилась, чтобы взять ящик с инструментами, когда краем глаза заметила какое-то движение. Она резко выпрямилась, испугавшись, что это вернулся Шон – он всегда что-нибудь забывал – и застал ее врасплох. Разумеется, она не имела права копаться в его нотах и играть на пианино.

Однако это был не Шон.

В проеме двери стояла зеленоглазая женщина с распущенными по плечам светлыми волосами, в струящемся до пола простом сером платье. От одного взгляда на ее печальную улыбку разрывалось сердце.

Бренна мгновенно узнала женщину и задрожала от волнения и восхищения. Она открыла было рот, но не смогла выдать ни слова. Голова кружилась, сердце отчаянно билось.

Бренна попыталась снова, озадаченная внезапно нахлынувшей слабостью.

– Красавица Гвен. – О, хоть это она смогла произнести, столкнувшись с трехсотлетним призраком.

Слеза, сверкающая серебром, скатилась по бледной щеке Гвен.

– Его сердце в его песне, – прошелестел нежный, словно лепестки роз, голос. – Слушай.

– Что вы... – Бренна не успела закончить вопрос. Она снова была одна, и лишь слабый аромат роз витал в воздухе.

– Ну, ладно. Ладно. – Бренна без сил опустилась на стул у пианино. – Хорошо. – Она попыталась выровнять сбившееся дыхание, и сердце наконец перестало колотиться о ребра.

Когда дрожь в коленях прошла и Бренна понадеялась, что сможет устоять на ногах, она решила как можно скорее рассказать о случившемся какому-нибудь разумному и чуткому человеку. А кто у нас самый разумный и чуткий? Разумеется, мама.

Дом О'Тулов, разросшийся за счет пристроек не без помощи Бренны, стоял почти у самой дороги, попыхивая дымом из печных труб. Когда отцу приходила в голову мысль добавить еще одну комнату, старшая дочь с энтузиазмом помогала сносить старые стены и возводить новые. Самые счастливые ее воспоминания были связаны с работой бок о бок с весело насвистывающим Майклом О'Тулом.

Почти успокоившись за время короткой поездки, Бренна остановила грузовичок позади маминого драндулета и отметила про себя, что давно пора его в очередной раз покрасить.

Она вошла в дом, как всегда теплый и уютный, пронизанный ароматом свежее испеченного хлеба. Молли хлопотала на кухне, вынимала из духовки противни с темными горячими буханками.

– Мам!

– Пресвятая Богородица! Ты меня напугала, девочка. – Молли поставила противни на плиту и обернулась. Улыбка осветила ее добродушное, все еще молодое лицо. Рыжие волосы Молли, унаследованные ее дочерьми, сейчас для удобства были скручены в узел на макушке.

– Прости, мам, у тебя опять орет музыка.

– Для компании. – Молли протянула руку и приглушила радио. Собака – лохматая рыжая Бетти, – дремавшая под столом, перевернулась на другой бок и широко зевнула. – Почему ты так быстро вернулась? Я думала, у тебя полно работы.

– Ну, да. Я ехала в деревню, чтобы помочь папе, и по дороге заглянула в коттедж починить плиту Шону.

– Ну-ну. – Молли отвернулась, начала снимать с противня буханки и выкладывать их на широкую деревянную доску.

– Шон торопился и ушел еще до того, как я закончила, и я недолго была одна в доме. – Услышав хмыканье матери, Бренна смущенно переступила с ноги на ногу. – В общем, когда я уходила... ну, там была Красавица Гвен.

– Что? – Вслушавшись наконец в слова дочери, Молли удивленно оглянулась.

– Я видела ее. Я просто с минутку поиграла на пианино, а потом подняла глаза, а она стоит в дверном проеме.

– Представляю, как ты испугалась.

Бренна шумно выдохнула. Разумная Молли О'Тул, благослови ее Господь!

– Я чуть язык не проглотила. Она красивая, точно, как рассказывала Старая Мод. И печальная. Просто сердце разрывается, какая печальная.

– Я всю жизнь надеялась ее увидеть. – Разумная Молли прежде всего налила чаю в две кружки и поставила их на стол. – Но не привелось.

– Эйдан говорил, что не раз видел ее, когда еще был ребенком, а потом и Джуд, когда жила в коттедже. – Немного успокоившись, Бренна села за стол. – Но я как раз перед этим

спрашивала Шона, и он сказал, что не видел ее... чувствовал ее присутствие, но ни разу не видел. И вдруг она появляется передо мной. Почему, как ты думаешь?

– Я не знаю, дорогая. Что ты почувствовала?

– Кроме изумления? Пожалуй, жалость к ней. А потом совсем растерялась, потому что не поняла смысла ее слов.

Молли вытаращила глаза.

– Она заговорила с тобой? Я никогда не слышала, чтобы она с кем-то разговаривала, даже с Мод. Мод бы от меня не утаила. И что же она тебе сказала?

– Она сказала: «Его сердце в его песне», а потом «слушай». А когда я опомнилась и хотела спросить ее, что это значит, она уже исчезла.

– Раз там живет Шон и ты играла на его пианино, я бы сказала, что послание достаточно ясное.

– Но я же всегда слушаю его музыку. Невозможно пробыть рядом с ним и пяти минут, чтобы не услышать.

Молли хотела что-то сказать, но спохватилась и накрыла ладонью пальцы дочери. «Моя милая Мэри Бренна, – подумала она, – как же тебе тяжело понять все то, что нельзя разобрать на составные части, а потом собрать заново».

– Когда придет твое время, ты поймешь.

– Так хочется ей помочь, – прошептала Бренна.

– Ты хорошая девочка, Мэри Бренна. Может, очень скоро как раз ты ей и поможешь.

2

Шон решил, что в такую промозглую и ветреную погоду лучше всего предложить посетителям рагу Маллигана. На кухне, как обычно по утрам до открытия паба, царила тишина. Шон строгал овощи и обжаривал ломти молодой баранины, наслаждаясь последними минутами покоя.

Скоро зайвится Эйдан и начнет донимать расспросами, сделано ли то, готово ли это. Потом наверху зашевелится Дарси, затопают туда-сюда, включит музыку под свое сегодняшнее настроение.

А пока паб всецело в его распоряжении.

Шон никогда не хотел взваливать на себя семейный бизнес – это дело Эйдана – и был рад, что родился вторым. Однако паб много значил для него, олицетворяя незыблемые семейные традиции. С тех самых пор, как первый Шеймус Галлахер с женой построили паб у Ардморской бухты и распахнули его массивные двери, Галлахеры славились гостеприимством. Здесь всегда можно было встретиться с друзьями и соседями, пропустить кружечку пива или стаканчик виски, вкусно поесть, послушать хорошую музыку.

Родившись в семье владельца паба, Шон прекрасно понимал главное в этом деле: каждый, кто заглянет сюда, должен чувствовать себя желанным гостем. С годами «Паб Галлахеров» завоевал репутацию уютного местечка, где всегда звучит живая музыка. *Seisiun* – непринужденное общение под народную музыку – любимый досуг ирландцев, а у Галлахеров выступали не только местные музыканты-любители, но и приглашенные ансамбли со всей страны.

Любовь к музыке передалась Шону по наследству – через паб и кровь предков – и была так же неотделима от него, как синева глаз или добродушная улыбка.

Мало что в жизни он любил больше возни на кухне под доносящиеся из зала мелодии. Правда, частенько ему приходилось покидать свое убежище и помогать в зале или за стойкой, ну так что за беда? Чуть раньше или чуть позже каждый посетитель получал то, за чем пришел.

Шон гордился своей кухней и своими кулинарными творениями, а потому редко – случалось, конечно, но редко – что-то у него подгорало или остывало.

Когда над кастрюлей поднялся ароматный пар, Шон добавил в загустевший бульон базилик и розмарин. Как советовала Молли О’Тул, по его мнению, лучшая повариха в округе, он сам выращивал специи, правда, не все. Майоран пока был сушеный из деревенской лавки, но Шон уже решил выращивать свой и купить, как предложила Джуд, фитолампу – специальную лампу для ускорения роста трав. Попробовав рагу, Шон проверил остальные кастрюльки и сковородки и начал шинковать капусту на салат, который посетители поглощали галлонами.

Над головой послышались шаги, затем донеслась музыка, сегодня британская. Шон узнал мелодию и, довольный выбором Дарси, подпевал Энни Леннокс, пока в кухню не ворвался старший братец в толстом рыбацком свитере.

Эйдан был пошире в плечах, покрепче и позадиристее. В его шевелюре почти того же цвета, что и барная стойка из каштана в зале их паба, на солнце поблескивали золотистые искры. И хотя лицо Шона было не таким широким, а глаза поярче, никто не усомнился бы, что это братья.

– И над чем ты посмеиваешься? – поинтересовался Эйдан.

– Над тобой. Ты такой довольный, как кот, объевшийся сметаны.

– А почему бы и нет?

– И правда, почему бы и нет. – Шон налил в кружку горячего чая и протянул Эйдану. – Как поживает наша Джуд?

– С утра подташнивает, но, похоже, ее это не тревожит. – Эйдан глотнул чаю и вздохнул. – А я не стыжусь признать, что с испугом смотрю, как она бледнеет, едва поднимается с кровати. Где-то через час все проходит, но для меня это очень длинный час.

Решив немного передохнуть, Шон отложил нож и взял свою кружку.

– Я бы ни за какие деньги не согласился стать женщиной. Хочешь, я чуть позже отнесу ей рагу? Или, может, лучше куриный бульон?

– Думаю, она справится с рагу. И мы оба будем тебе очень благодарны.

– Мне нетрудно. Блюдо дня – рагу Маллигана. Можешь внести в меню. А еще я приготавливаю сливочный пудинг.

В зале зазвонил телефон, и Эйдан закатил глаза.

– Надеюсь, это не поставщик с очередной проблемой. У нас заканчивается портер, и я беспокоюсь.

Вот еще одна из множества причин радоваться, что бизнесом руководит Эйдан, подумал Шон, когда брат покинул кухню. Одно дело разливать за стойкой пиво и слушать истории старого мистера Райли, совсем другое – общаться с поставщиками: просить, требовать, спорить. А еще планировать бизнес, вести бухгалтерские книги, рассчитывать налоги. Лично у него голова раскалывается от одних мыслей обо всем этом.

Шон помешал рагу в огромной кастрюле, подошел к лестнице и, закинув голову, крикнул, чтобы Дарси побыстрее тащила вниз свою ленивую задницу. Он вовсе не злился на сестру, просто они привыкли браниться, и его не удивило ответное проклятие.

Вполне довольный началом дня, Шон вышел в зал помочь Эйдану снять стулья со столов, но, к его удивлению, Эйдан стоял за стойкой и хмуро таращился в пустой зал.

– Звонил поставщик? Проблемы?

– Нет, вовсе нет. – Эйдан перевел хмурый взгляд на Шона. – Звонили из Нью-Йорка. Некто Маги.

– Нью-Йорк? Там же еще и пяти утра нет.

– Я знаю, но, судя по голосу, парень трезв и в полном сознании. – Эйдан поскреб макушку, встряхнулся, поднес к губам кружку с чаем. – Он хочет построить в Ардморе театр.

– Театр? – Шон опустил на пол первый стул и оперся о него. – Для кинофильмов?

– Нет. Для музыки. Для живой музыки и, возможно, спектаклей. Он сказал, что слышал о «Пабе Галлахеров» как местном центре народной музыки. Хотел узнать мое мнение.

Шон поставил на пол второй стул.

– И что ты думаешь?

– Ну, пока ничего конкретного, ведь он застал меня врасплох. Я сказал, что, если он не возражает, я подумаю день-два. Он перезвонит в конце недели.

– И с чего вдруг парню из Нью-Йорка пришло в голову строить здесь музыкальный театр? Не логичнее ли выбрать Дублин, или Клэр, или Голуэй?

– Вот и я так подумал. Он особо не распространялся, однако заверил, что его интересует именно Ардмор. Тогда я сказал, что, может, он не в курсе, у нас тут просто рыбацкая деревушка. Конечно, туристы приезжают ради пляжей, а некоторые хотят посмотреть собор Святого Деклана, фотографируют и все такое, но, как ни крути, народ сюда особо не рвется. – Пожав плечами, Эйдан подошел помочь Шону. – Тогда он рассмеялся и заявил, что прекрасно осведомлен и планирует нечто небольшое, интимное, так сказать.

– Хочешь знать мое мнение? – спросил Шон и, когда Эйдан кивнул, продолжил: – Отличная идея. Сработает ли, другой разговор, но идея классная.

– Сначала надо взвесить все «за» и «против», – пробормотал Эйдан. – Скорее всего, парень передумает и отправится в более оживленное местечко.

– А если не передумает, я бы уговорил его построить театр за пабом. – Шон начал расставлять на столах пепельницы. – У нас там есть свободный кусок земли, и, если театр будет связан с пабом, мы выиграем больше всех.

Эйдан перевернул последний стул и расплылся в улыбке.

– И это отличная мысль. Ты меня удивляешь, Шон. Не помню, чтобы ты когда-нибудь интересовался бизнесом.

– О, и в моей голове иногда появляются умные мысли.

Когда двери паба открылись и зал начали заполнять посетители, Шону уже некогда было думать о неожиданном предложении, хотя на короткую перепалку с Дарси времени у него, разумеется, хватило. Наконец Дарси поклялась заговорить с ним только после того, как он шесть лет пролежит в могиле, и в гневе вылетела из кухни.

Шон сомневался, что ему так повезет, но вернулся к своим обязанностям в отличном настроении: раскладывал по тарелкам рагу, жарил рыбу и картошку, делал сэндвичи с ветчиной и сыром. И опять наслаждался покоем, а постоянный гул голосов, доносившийся из-за массивной двери, его совсем не раздражал. Весь первый час дневной смены Дарси держала слово, лишь бросала на брата гневные взгляды, прибегая забрать заказы, а новые диктовала, отворачиваясь к стене.

Его это веселило, а потому, когда Дарси в очередной раз поставила в мойку грязные тарелки, он схватил ее и смачно поцеловал в губы.

– Поговори со мной, дорогая. Ты разбиваешь мое бедное сердце.

Дарси отпихнула его, шлепнула по рукам, но не выдержала и расхохоталась.

– Отпусти меня!

– Только если не будешь драться и швырять в меня тарелки.

Дарси тряхнула головой, откинув назад копну волос.

– Эйдан вычтет стоимость битой посуды из моего жалованья, а я коплю на новое платье.

– Тогда я в относительной безопасности.

Шон отпустил сестру, перевернул лопаткой здоровенный кусок белой рыбы, шипящий на сковороде.

– Парочка немецких туристов из пансиона хочет попробовать рагу с содовым хлебом и капустным салатом. Завтра они едут в Керри, потом в Клэр, так они говорят. Вот если бы у меня был отпуск в январе, я бы провела его в солнечной Испании или на каком-нибудь тропическом острове, где вся одежда – бикини и масло для загара.

Пока Шон выполнял заказы, Дарси не уходила из кухни. Она была очень красива и сознавала это. Молочно-белая кожа, синие глаза, пухлые губы, неотразимые, дулась их хозяйка или улыбалась. Сегодня утром Дарси накрасила их алой помадой, чтобы выглядеть эффектнее в этот холодный, унылый день, а соблазнительные линии своей стройной фигуры подчеркнула ярким платьем. Дарси любила красивые вещи и была в курсе всех модных тенденций. Ее не миновала фамильная жажда путешествий, правда, утолить эту жажду Дарси мечтала с шиком и не сомневалась в успехе.

Однако время роскошной жизни пока не пришло, а потому Дарси подхватила поднос с очередным заказом и чуть не столкнулась с Бренной.

– Во что ты опять вляпалась? У тебя все лицо черное.

– Сажка. – Бренна засопела и потеряла нос тыльной стороной ладони. – Мы с папой чистили дымоход, а это очень грязная работа, но я почти всю сажку стряхнула.

– Ничего подобного. Посмотришь в зеркало.

Обойдя подругу, Дарси покинула кухню.

– Дай Дарси волю, она вообще от зеркала не отходила бы, – заметил Шон. – Ты есть будешь? Ланч готов.